

Ирина Коняхина

ГЕН

ХРАНИТЕЛЬ

16+

Ирина Коняхина

Ген хранитель

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Коняхина И.

Ген хранитель / И. Коняхина — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Всё на свете оставляет свои следы. Самое очевидное тому подтверждение – человеку передается генетическая информация от всех без исключения предков. Каждое, пусть самое маленькое, событие в жизни, любое движение, мысль и даже эмоция – это сигнал в пространство, оставляющий свой уникальный след. Все вместе эти сигналы каждое мгновение изменяют и самого человека, и окружающую среду - даже, если этого никто не может заметить, понять, прочитать и почувствовать. А если всё же попытаться узнать, что и как в определенное мгновение происходило в прошлом? Встретить еще раз свой или чужой особенный час, день. В деталях и подробностях, с запахами и эмоциями. Ещё раз все повторить, пережить. Своё или чужое. Ведь если следы остаются – физические, химические, биологические, - значит гипотетически можно их как-то измерить. А если можно их измерить и описать, значит, можно будет и когда-нибудь синтезировать, воспроизвести! И все вернуть. Даже любовь!

© Коняхина И., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
2009 год. Санкт-Петербург. Больничные тайны	8
Глава 2	16
2009 год. Санкт-Петербург. Следы	16
Глава 3	20
2061 год. Доломитовые Альпы. Машина памяти	20
Глава 4	22
2025 год. Пенсильвания. Теория относительности	22
Глава 5	25
2010 год. Санкт-Петербург. Отцы и дети	25
Глава 6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ирина Коняхина

Ген хранитель

В оформлении обложки использованы личные фото автора.

Пролог

*«Sic finit occulte sic multos decipit aetas.
Sic venit ad finem quidquid in orbe manet.
Heu heu practeritum non est revocabile tempus.
Heu propius tacito mors venit ipsa pede.»¹*

Люди любят говорить, что никто не поможет тебе, если ты не поможешь себе сам. А так хочется...

Так хочется, чтобы кто-то прилетел на крыльях стремглав, отогнал от тебя все беды и невзгоды, и расчистил вокруг поляну побольше. И чтобы на поляне этой всегда произрастали бы радость и благодать.

Ладно, так и быть, потратив уйму времени и сил, наведешь порядок вокруг себя, построишь что-то новое и важное. В надежде жить в созданном вокруг себя мире долго, тихо и спокойно, с восторгом созерцая его красоту, гармонию и совершенство. И ведь знаешь определенно: так никогда ни у кого не бывает – ну, чтобы подолгу спокойно созерцать.

Человечество придумало религию. Чтобы верить в чудо. Чтобы поддерживать надежду выжить и кому-то авторитетному поручить надзор и контроль. Верующий человек принимает на себя обязательства – я буду делать так-то и так-то, как велит моя религия. А ты, мой Бог, пожалуйста, спаси и сохрани меня, а заодно и моих близких!

Однако, обращаясь в критические минуты за помощью или защитой, в подавляющем большинстве случаев придется смириться – мольбы никто не слышит! Возможно, просящий в чем-то провинился, всегда ведь найдется, к чему придраться – нарушена важная заповедь, не в той форме подано прошение.

Даже глубоко верующий человек нет-нет, да и усомнится – а слышит ли меня Бог? Или вокруг столько горестей и слез, что мои житейские неурядицы и вовсе не требуют божественного вмешательства? И великий Он постоянно занят решением проблем кого-то другого, и свою судьбу придется устраивать самостоятельно.

Самое простое после этого обидеться на проповедников, объявить их лишними посредниками, придумать свое Нечто, Всемирный Мозг или даже Вселенский Разум. Так делают многие. Писатели-фантасты, например, очень любят развивать вариации на тему про Сверхвеликое и Управляющее всем. В крайнем случае, если не найдется ничего подходящего в длинном списке известных и новомодных, религию можно придумать и стать ее первым адептом.

Священники уже сформировавшихся массовых конфессий, конечно же, упорно не желают мириться с таким отношением к их миссионерскому служению, и продолжают убеждать в своей незаменимости. В их арсенале торжественные ритуалы и расшитые золотом костюмы, сложная возвышенная архитектура и всевозможная атрибутика, включая живопись, скульптуру и всяческие обереги. Батюшка, святой отец, раввин, мулла знают ответы на все вопросы. Их самый главный рецепт во все времена: «Верь и молись!» Усилия не напрасны – огромное количество людей безропотно исполняет все, что велит религия, не утруждая себя ни глубокими размышлениями, ни, впрочем, и неистовой верой. Просто потому, что это делают все вокруг, и это, в принципе, не так сложно.

¹ (с латыни) «...Так заканчивается тайна, так обманчив возраст. Так приходит к концу всё, что существует в мире. Увы, увы невозвратно уходящее время. Увы, смерть подкрадывается ближе неслышными шагами» (Надпись под часами в церкви Santa Maria Novella во Флоренции)

В любой вере есть главная приманка – отложенное счастье. Всем хочется надеяться, что после трудов праведных должно быть награждение, и после земной жизни никто и ничто не исчезнет насовсем! Религия сулит огромное пространство, в котором исполнение ритуалов, пусть даже это проникновенное чтение молитв, при случае зачтется! Не думай, просто верь и молись! На всякий случай!

Пусть по логике – доброму, трудолюбивому и порядочному человеку все должно, вроде бы, зачтется и так. Но причем тут логика, если мы говорим о религии?

Казалось бы человечеству, лучшими своими умами освоившему высшую математику, биологию, физиологию, генетику, ядерную физику, органическую химию, астрономию и даже космос, и параллельно в общей массе своей погрязшему в противоречиях, сомнительных ценностях и лжи, не так уж сложно, промучившись тысячелетиями, через очевидные факты прийти к уверенности, что никакого Бога нет! И нет никаких сверхъестественных сил. Ведь может же быть такое? Вполне... И скорее всего! Только это так грустно.

Как не крути, а всем нужна защита – и верующим, и не верящим. И вот уже и те, и другие, не желая признавать простую логику неизбежности перемен, шарахаются из стороны в сторону – от религиозных ритуалов к поиску закономерностей, символов и знаков, от снов и предчувствий, к астрологическим прогнозам и различным приметам. Фэн-шуй, йога, аюрведа, счастливая одежда, украшение, число. И, гляди-ка, звезды расположились в благоприятном порядке. Кажется, ну вот, наконец, мы нашли, что помогает! Ан, нет! Ведь здесь тоже – в самый неподходящий момент испытанная система не работает. Доверие утрачено и надо переходить на что-то другое!

В суете поисков подходящей веры, оберегов и амулетов, не только для внеземной жизни, но и на каждый день, мало кому вспоминается простая истина – вся информация, накапливаемая в процессе жизни человека, хранится непосредственно в его теле и управляется мозгом. С физической точки зрения и тело, и мозг могут быть в любой момент повреждены – тогда, конечно, неизбежны сбои в функционировании. А вот когда умер мозг – все ли исчезло? Где информация, которая там накопилась? Можно ли сохранить её на внешних носителях?

Никому не хочется мириться с тем, что после нас ничего не остается! И удивителен, потому что нелогичен сам по себе переход из «живого» в «неживое» – из сложнейшей биосистемы человеческого организма, в которой задействованы и функционируют миллиарды различных по своей структуре живых клеток, и которая, в свою очередь, тесно связана с окружающим миром своей энергией, чувствами и коммуникациями – в предмет, прах, ничто. Вот этот узкий и таинственный переход – не от него ли все пытаются нащупать тропинку?

Глава 1

2009 год. Санкт-Петербург. Больничные тайны

Светлане сорок девять лет, она замужем за Игорем Куликовым. Их единственный сын Андрей недавно женился и теперь со своей красавицей Алисой снимает однокомнатную квартиру в Приморском районе. В Санкт-Петербурге живут и родители Светланы – Алла и Николай Потаповы. Светлана и сама была Потаповой первые четверть века своей жизни, пока не вышла замуж. Светлана Николаевна Куликова (Потапова) руководит отделом рекламы в журнале о туризме, и за вычетом незначительных ежедневных проблем и разочарований считает себя вполне успешной и счастливой.

Нет, есть, у неё, пожалуй, одна очень серьезная печаль. Ее отец, Николай Потапов, тяжело болен – сердце. Слава богу, он бывший военный, полковник в отставке, и его госпитализировали в Военно-Медицинскую академию. Будут делать операцию. Светлана, также как и ее родители, бесконечно доверяет врачам академии. Там все самое лучшее: и специалисты, и оборудование. Если кому-то и можно чем-то помочь – там обязательно помогут! А любящие дочь и жена поддержат Николая Николаевича и сделают все, что зависит от них.

Свою безграничную любовь к отцу Светлана осознала еще в детстве, когда он был полон сил, а она даже и не задумывалась о том, что доживет до следующего, двадцать первого, тысячелетия и до такого «почтенного» возраста как сорок девять лет, и что рядом с ней будут её еще более пожилые родители.

Сегодня после работы Светлана Куликова спешит на Загородный проспект в Военно-Медицинскую академию, чтобы успеть проникнуть в палату к отцу до того, как закроют центральный вход на территорию. Выйти то всегда можно будет, главное – войти! Успела. Правда, ей пришлось долго уговаривать охранника и аккуратно, чтобы никто не заметил, передать ему пятьдесят рублей.

Глубокие сумерки. Осенью в Петербурге рано темнеет. Старый больничный двор завален опавшими ржавыми листьями. Моросит мелкий и противный дождь. Такой мелкий, как будто мокрая взвесь стоит в воздухе. Светлана решила не доставать из сумки зонт – до кардиологического отделения недалеко. Как любила говорить в таких ситуациях её бабушка Маруся: «Не сахарная – не растаешь!»

Больничные дворы всегда, а тем более в такую мерзкую погоду, настраивают на тревожность, обостряют мысли и заставляют гадать о том, что таит в себе болезнь и ее лечение. Выздоровление? Выстрадавшую радость от полной, временной или частичной победы над недугом? Или жизненный путь человека, на встречу с которым сегодня еще можно вот так спотыкаться о незначительные трудности и спешить, оборвется до обидного скоро, и все случится именно в этом вполне симпатичном больничном дворе. И никто ничего не может знать заранее!

Военно-медицинские здания-корпуса изо дня в день впитывают в себя тяжелую энергию людских волнений и тревог, сохраняя холодное и суровое молчание. Сколько же видели эти стены нестерпимой боли, безнадежных диагнозов и смертей! А если подумать о врачах, которые трудятся сутками в заточении этих пронизанных человеческими страданиями палат! Вот ведь, считается, что благородная у них профессия – спасать людей. А самим-то им какого – постоянно копать в чужих органах, разьедаемых болезнью, находиться в вечной борьбе за стремительно разрушающиеся и отмирающие клетки временно живого организма. Здоровые и счастливые люди в больницы не попадают.

Светлана ловко маневрирует между луж. Да что там говорить про эти хмурые больничные корпуса. Она знает, видела, когда искала второй выход с территории, еще более зловещее место, вон там, чуть за поворотом. На одном из одноэтажных желтых зданий, которое остается по правую руку от дорожки, ведущий в «сердечное» отделение, висит бордовая табличка. На ней большими золотистыми буквами безжалостно выведено короткое и страшное слово «Морг». Посетителям, впервые нечаянно взглянувшем в ту сторону, как правило, становится не по себе...

Николай Потапов, похоже, смотрел в окно, потому что вышел в коридор, чтобы встретить дочь.

– Ну, привет! Как ты? Выглядишь вполне прилично! Молодец! – Светлана окрасила свой голос бодростью и чмокнула отца в щеку.

– Да неплохо! Отдышка только замучила. Вчера сдал кучу анализов для операции, сказали, что все у меня работает идеально – все органы, как у молодого. Кроме сердца.

– Это же здорово! Это же лучше, чем, если бы все было как на выброс!

– Не знаю, что тебе и сказать. Может быть, не так обидно было бы умирать?

– Не говори глупости! Кто это у нас собрался умирать? Тебе сказали, когда будут делать операцию?

– Врач обещал, в середине следующей недели. Скорее всего, в среду. Как раз в мой день рождения. Это очень хорошо! Пойдем в палату, я отдам тебе кое-что. Я тут заполнил билеты спортлото, опусти их, пожалуйста, в лотерейный ящик у метро.

– Пап, ну какой ящик! Сейчас в Интернете все можно заполнить, и отправить, и оплатить!

– Я привык в ящик. Сделай, пожалуйста. Выйду из больницы, научишь, как заполнять по Интернету.

– Вот это правильный разговор. Мама у тебя сегодня была? А Андрей? У меня даже минуточки не было им позвонить. На работе аврал!

– Да, конечно, были. Вместе были. Ушли час назад. Ты позаботься о маме, если со мной что случится.

– Пап, ну опять? Сам позаботишься! Ты же вот ходишь, улыбаешься. Органы у тебя все, как у молодого! Мы с тобой еще летом в Италию поедем! Хочешь в Италию? Я тут итальянский язык по Интернету учить начала. Интересно!

– Молодец! Учи. Нет, в Италию не поеду. На дачу поеду – купаться в озере буду, за грибами ходить, на рыбалку. Заграница – это уже не для меня. С моим сердцем...

– Тебе же операцию сделают! И сердце заработает как новое. Как молодое!

– Теоретически – да! А так, что-то я в эту сторону не фантазирую.

– У тебя день рождения на следующей неделе. Что тебе подарить?

– Спортивный костюм. Модный! Какой-нибудь «Адидас».

– Ты серьезно? Я ведь подарю!

– Вполне серьезно. Не для спортзала, конечно, для больницы. В халате здесь не всегда удобно. И потом пригодится. Видишь, как я похудел, – скорее похвастался, чем пожаловался Николай Николаевич, – и старые треники с меня спадают.

Посидев немного с отцом, и поболтав на всякие малозначительные темы, Светлана попрощалась и пообещала прийти через пару дней.

Николай Потапов лечил свое сердце уже больше десяти лет. Позади было столько тревог и волнений за его жизнь, что первоначальный оглушительный страх немного притупился и у дочери, и у его жены. Каждый новый кардиолог, рекомендованный им друзьями или просто знакомыми, когда перед его взором появлялся Николай Потапов, считал своим долгом объявить абсолютно неэффективной тактику борьбы с болезнью всех врачей – своих предшественников. И назначал пациенту какие-нибудь новые многообещающие препараты. Общего у разных врачей было и то, что все утешали: если очередные лекарства не помогут, выход

все равно останется – делать операцию. Николай Потапов делать операцию не спешил и надеялся на следующего врача. Время от времени, когда становилось совсем плохо, Алла вызывала «неотложку», и Николая Николаевича везли в гарнизонный госпиталь. Там капельницы и прочая интенсивная терапия давали заметное улучшение состояния. А Потапов, едва встав на ноги, сразу же просился домой. Государственно-бюджетная медицина охотно его отпускала. Спустя несколько месяцев Николая Потапова опять забирали в госпиталь. Так продолжалось много лет, до тех пор, пока госпиталь вдруг не закрыли на ремонт. Именно поэтому Потапова несколько дней назад привезли на скорой помощи в Военно-Медицинскую академию. А здесь сразу сказали – пора делать операцию! Николай Потапов впервые не стал возражать. Видимо, порядком устал: и от непрекращающейся боли, и от перманентного страха.

Светлана приходила в больницу к отцу через день-два, и вот накануне его дня рождения, заведующим объявил, что операция переносится на пару недель. Хирург заболел. Грипп! Врачи тоже болеют. «Хорошо, – подумала Светлана, – значит, все не так критично, и чрезвычайной опасности для жизни нет.»

Подарок ко дню рождения – спортивный костюм, она до сих пор не купила, хотя накануне обошла несколько торговых центров. То размер не тот, то расцветка, то не нравилась модель.

В день рождения Николая Потапова, вся его семья пришла в больницу – с бисквитным тортиком и бутылкой красного сухого вина. Света, Алла, муж Светы Игорь, и Андрей с Алисой. Их еле-еле пропустили в палату в таком количестве. Николай Николаевич поначалу куксился и делал вид, что расстроен из-за отложенной операции.

– Я ведь почему хотел, чтобы операцию делали сегодня, – объяснял он своей родне, – чтобы операция пришлась на день рождения. В день рождения ведь не умирают? Вероятность совпадения даты рождения с датой смерти 1 к 364, то есть в 364 раза меньше, чем в любой другой день! Чем не подходящее время, чтобы делать операцию на открытом сердце.

– Да, дедушка! Против твоей математики не попрешь! Она у тебя прям на стыке с философией! – похвалил Андрей.

Гости несколько минут потратили на то, чтобы вспомнить кого-нибудь из известных личностей, кто умер в свой день рождения. Получилось, что только Шекспир, да и то за давностью лет под большим вопросом, герой-летчик Маресьев и шведская актриса Ингрид Бергман. Статистика не дала особой уверенности в красивой вероятности 1 к 364 из-за больших сомнений в коллективной эрудиции собравшихся.

Потом прямо в палате, из которой под разными предложениями один за другим деликатно удалились в коридор все сердечники-соседи, было по-партизански выпито немного вина. Настроение сразу поднялось. А Света торжественно пообещала, что обязательно принесет отцу модный спортивный костюм на следующий день после операции.

Вечером, уже дома, Светлане стало немного стыдно за просроченный подарок, и она взялась за поиски спортивного костюма в Интернет-магазинах. Пока загружалась страничка с многочисленными предложениями, заглянула в социальную сеть. Ей предлагал дружбу какой-то итальянец по имени Фабио Джуани.

Первое, что бросилось в глаза – выведенный под его именем статус: *I sogni non sempre realizzano. Ma non perche` sono troppo grandi o impossibile, perche smettiamo di crederci. Wiz Khalifa*². Свете понравилось и то, что она смогла перевести эту фразу, да и само выражение. Как же ей сейчас нужно было верить в то, что все зависит только от неё и от настроения на победу. Жаль, что это изречение принадлежит не какому-нибудь итальянскому мыслителю эпохи Возрождения, а молодому рэперу из Питтсбурга. Светлана не поленилась и набрала интригующее имя в Яндексе, чтобы всё-таки выяснить, кто такой этот Халифа.

² Мечты сбываются не всегда. Но не потому, что они слишком большие и важные, а потому что мы перестаем верить в них!» Wiz Khalifa – в переводе с арабского – преемник мудрости.

Вернулась на страничку Фабио. Посмотрела на его фото попримечательнее. Да-а-а, красавчик! Итальянцы вообще очень красивая нация, а как одеваются! Он, наверное, обратил на Свету внимание на страничке группы по изучению итальянского языка. У неё там очень удачное фото выложено – такой загадочный и томный взгляд. И его совсем не смутило, что женщина указала свой семейный статус «замужем за Игорем Куликовым». Впрочем, там-то она как раз зарегистрировалась под девичьей фамилией Потапова. Ох, уж, эти итальянцы!

Игорь, муж, младше Светы на четыре месяца. Это такая незначительная величина, что ей вполне можно пренебречь – они одного года рождения. А вот Фабио моложе супругов Куликовых на целых пять лет. Света все равно кликнула на «подружиться». И вернулась к поиску спортивного костюма. Ничего подходящего опять не нашла.

Прошло три недели. Операцию на сердце, наконец, назначили. Света с Аллой пришли в больницу, чтобы подбодрить Николая Потапова накануне ответственного дня. Ему пару часов назад сделали масштабное переливание крови, чтобы у него прибавилось сил. Глава семейства вполне бодро вышел в больничные коридоры.

– Завтра меня всего побреют с утра и повезут резать. После переливания крови чувствую себя как огурец! Может быть, и бог с ней, с этой, ... что будет завтра! И так еще поживу!

– Нет! Надо делать, – учительским тоном напутствовала мужа Алла Потапова, – не расосется. Зато потом будешь и в самом деле как огурец.

– Вы завтра ко мне не приходите после всего этого, – Николай Николаевич почему-то всячески избегал слова «операция», – я все равно буду в реанимации, и вас туда не пустят. И мобильник отберут. Есть мне будет ничего нельзя, и я абсолютно голый буду лежать под простыней... Или даже без простыни... Бр-р-р мне уже сейчас от одной мысли об этом холодно... В любом случае, чистая нарядная одежда мне вряд ли понадобится.

Ночью, накануне операции, Светлана спала безмятежно. Поначалу ей снились красивые и милые сердцу картины из детства. Она – пятилетняя. Лежит в своей детской кроватке, засыпает. Папа на днях купил магнитофон. В глубине затемненной комнаты, включив настольную лампу с темно-зеленым металлическим абажуром, он готовится к семинару в академии. Спрашивает дочь: «Тебе не будет мешать музыка? Тихо-тихо?». Та отвечает, что нет. И слышит волшебный голос из магнитофона: «Бессамо... Бессамо муччо!»³. Удивительный голос, таинственные слова – как заклинание. Маленькая Света шепотом повторяет за певицей: «Бессамо... Бессамо муччо...» Ей кажется, что это молитва какой-то огромной, бесконечной любви. Звуки музыки наполняют малышку одновременно и радостью, и глубокой грустью, обволакивают сладостным туманом, возносят куда-то вверх. И вот уже она сама – облако. И медленно, нет не летит, а плывет по небу над большим незнакомым городом, освещенном яркими огнями, ощущая пространство как вселенский океан. Немного мешают столбы линий электропередач и высокие деревья – тогда ей приходится подниматься все выше и выше. Это так трудно, и сил уже нет. А там просто пустота. И холодно. И светло-серое пустое небо. Никого и ничего.

Утром она проснулась в относительно бодром настроении. Нет, если тщательно покопаться в эмоциях, то немного волновалась, конечно. Сегодня примерно в одиннадцать часов её папе начнут делать операцию. И он не будет больше так мучиться и задыхаться. Пусть он и просил не навещать его, они с мамой Аллой договорились подъехать в Военно-Медицинскую академию, чтобы попытаться пробиться в реанимацию. Иногда туда пускают. Вдвоем, точно, не зайти, но, может быть, получится упрямить запустить их по очереди. В любом случае, они постараются встретиться с оперирующим хирургом и расспросить о подробностях.

³ «*Besame ticho*» – песня на испанском языке в жанре болеро, написана в 1940 мексиканкой Консуэло Веласкес Торрес. Исполнялась Далидой, Сесарией Эворой и многими другими.

Светлана позвонила на работу и предупредила, что появится в редакции только после обеда. Чтобы как-то отвлечься от волнения, принялась за уборку в квартире. Но минут через десять вдруг засомневалась, а не считается ли уборка плохой приметой в данных обстоятельствах. Скорее всего, считается. На всякий случай ограничила свой хозяйственный порыв поливом комнатных растений. Заметила вдруг, что на лиане, пышно во все стороны свисающей с платяного шкафа, распустился одинокий зонтик мелких нежно-розовых цветков. Понюхала. Удивительно приятный сладковатый запах. Надо же! Чудеса! Этой лиане не меньше двадцати лет. Это столько она живет в их семье. А до этого еще, неизвестно сколько лет, обитала у свекрови. И была передана по наследству вполне взрослым растением с двухметровыми плетями, плотно усыпанными листьями. И никто никогда не видел, чтобы эта лиана цвела.

– Игорь, посмотри, наша лиана зацвела! Тут такой красивый зонтик из цветов!

– А они разве цветут? – донесся голос из кухни, но Игорь поленился подойти, чтобы посмотреть, как всё это выглядит.

Светлана нарисовала стрелки на верхнем веке, накрашила ресницы, губы, надушилась французскими духами – собралась! Дождавшись половины одиннадцатого, вышла из дома. Неспешно направилась к метро. Вышла на станции «Пушкинская». Чтобы как-то убить медленно текущее время, зашла в «Макдональдс» напротив Витебского вокзала. Долго выбирала, чтобы такое заказать. Потом уселась в уютном уголке и неспешно потягивала через трубочку молочно-клубничный коктейль. Все её мысли были теперь об отце, который в это время, наверняка, уже лежал на операционном столе. «Все будет хорошо!» – успокаивала она себя, и мысленно посылала отцу свои флюиды уверенности. «Все будет хорошо!»

Возможно, она даже произнесла это вслух, потому что незнакомая женщина, сидевшая неподалеку, переспросила:

– Что? Вы что-то мне сказали?

Света улыбнулась, но не успела ничего ответить, потому что заиграл привычный рингтон мобильного телефона. Определитель номера указал на то, что с ней будет говорить «Мама». Света начала первой:

– Алло! Мам, привет! Ты уже в больнице? Я скоро буду. Через пять минут! Я тут совсем рядом. В Макдональдсе напротив Витебского вокзала.

Без какой-либо паузы, Светлана поспешила вывалить как можно больше информации, которую считала сейчас самой важной и нужной:

– Сейчас только допью свой коктейль. Кстати, он очень вкусный. Я всегда беру клубничный. Ты успела позавтракать? Тебе принести что-нибудь из Макдональдса – гамбургер, коктейль или кофе? Давай, что-нибудь принесу?

– Светочка! Папы больше нет... – тихий голос Аллы Потаповой с трудом прорвался сквозь нелепую болтовню её дочери.

– Ему уже сделали операцию, еще же рано? – Светлана задала свой безнадежно дурацкий вопрос с уточнением, потому что на протяжении нескольких мгновений не могла вникнуть в смысл услышанных слов. И наконец, в образовавшуюся в диалоге паузу переспросила:

– Как... нет?

– Его... нет... – каким-то чужим голосом, словно по слогам, произнесла Алла, изо всех сил избегая более прямой и жуткой формулировки.

– Я бегу! – шепотом прохрипела Светлана в трубку и стремглав помчалась в больницу.

Ей почему-то казалось, что, если она сейчас прибежит быстро-быстро, то обязательно сможет все изменить. Конечно, это какая-то ошибка! С ним не могло ничего произойти! Врачи что-то напутали. В этот день назначено несколько операций. Это случилось не с ним! Они там на операционных столах все так похожи! Ошибка! Недоразумение!

Алла Потапова ждала дочь у входа в кардиологическое отделение. Она была как-то неестественно спокойна.

– Я уже говорила с врачом. Они начали операцию на час раньше. Все сделали. Довольно быстро и, как им показалось, хорошо. Все сосуды прошли, прочистили, стенты поставили. Три, нет, кажется, пять! Все, вроде, получилось. Стали зашивать, а у него разорвалась артерия. Хирург еще раз зашил. Она опять разорвалась! В ключья! Несостоятельность тканей... Да!

– Пусть они еще раз попробуют, – заскулила Светлана, схватив, как в детстве, мать за рукав. – Пусть еще раз... Пусть пробуют, пока не зашьют. Давай пойдем и их попросим! Заставим! Надо же что-то делать!

– Поздно. Его уже нет.

Через несколько минут Светлана и Алла в сопровождении старшей медсестры вошли в палату, где еще каких-то три недели назад отмечали день рождения Николая Потапова. Женщины всячески избегали встречаться с сочувствующими взглядами больничных соседей и, словно в полусне, принялись вытаскивать из тумбочки вещи человека, которые ему больше никогда не понадобятся: носки, трусы, электробритву, радиоприемник, часы, старенький мобильник.

Сестра-хозяйка принесла большой полиэтиленовый пакет с верхней одеждой. «Какой бред! – думала Светлана. – Вещи – вот они. С ними ничего не случилось, а моего папы больше нет». Машинально взяла с тумбочки и стала перелистывать папин ежедневник, он повсюду брал его с собой. Там все было расписано на два месяца вперед: кому позвонить, когда кого поздравить с днем рождения, с кем встретиться, что сделать. Дочь и жена, нет, теперь уже в одночасье вдова, сложили в большой полиэтиленовый пакет все вперемешку и, не сказав никому ни слова, вышли из палаты.

Потом мама и дочь приехали домой к Потаповым, и Алла достала из кухонного буфета бутылку водки, стоявшую всеми забытой неизвестно, с каких времен. Женщины почти ни о чем не разговаривали между собой, просто пили водку. Опьянение не наступало, словно это была обычная вода из-под крана. Может быть, конечно, водка и выдохлась. Хотя вряд ли.

Иногда их молчаливые посиделки прерывались телефонными звонками. Звонили друзья и коллеги с последней работы. Многим было известно, что на этот день была назначена операция, и теперь люди интересовались, как все прошло. Алла вполне спокойно отвечала, что Николая больше нет, принимала соболезнования, и по-деловому записывала номера телефонов звонивших, чтобы потом известить их о дате похорон.

Часов около семи вечера в дверь позвонили. Это пришел агент ритуальных услуг – лысый, бледный, с бесцветными глазами, в потертом пиджаке неопределенного цвета. Откуда он только узнал, что в дом пришла беда. Алла, не слишком вдаваясь в детали, у агента что-то заказала, и даже успела оплатить венки, чтобы он скорее оставил их в покое.

Потом за женой приехал Игорь Куликов и заодно прогнал агента. Алла отказалась ехать ночевать к дочери.

Игорь взял на себя все дальнейшие хлопоты по подготовке похорон. Ему помогал Андрей.

Сама же Светлана почти не спала три следующих дня. На работу не ходила. И ничего не делала. Вздрагивала от каждого телефонного звонка. Ей казалось – вот сейчас, сейчас... Это звонят из больницы, из Военно-Медицинской академии. Её самый любимый на свете папа пришел в себя. Швы на артерии как-то сами срослись. Так, наверное, бывает! Он сильный, он борец. У него потрясающее чувство юмора и он очень умный. Он не мог просто так взять и умереть.

Все вокруг происходило как будто в полусне. То есть она не помнила, спала или нет, что и когда ела, о чем разговаривала с людьми. Она даже не обратила внимание на то, что выпал первый снег.

Окружающий мир частично вернулся в сознание Светланы, когда она стояла в Военно-Медицинской академии, в ритуальном зале одноэтажного желтого здания с бордовой табличкой и золотистыми буквами «Морг».

Пришло довольно много народу – родственники, друзья, коллеги с последней работы Николая Потапова, его бывшие сослуживцы. Все что-то говорили. Какой Николай Николаевич был хороший, как его все уважали и ценили на работе, как он любил свою семью и жизнь – дачу, футбол, рыбалку, спортлото. Звучала траурная музыка. Алиса тихонько всхлипывала, уткнувшись в плечо Андрея. Света и Алла не плакали совсем, и всю церемонию стояли молча. Света безотрывно смотрела на лежащего в массивном дубовом гробу отца, ожидая, что сейчас он откроет глаза или хотя бы пошевелится, и все, наконец, поймут весь бред и нелепость ситуации, и преждевременность своих прощальных слов. Потом гроб деловито накрыли крышкой и понесли в автобус.

Николай Николаевич был крещеным, но никогда не говорил о том, верит ли в Бога, и уж тем более, отдав большую часть своей жизни военной службе, не ходил в церковь. По дороге на кладбище Света с Игорем отстали от автобуса, заказанного в агентстве ритуальных услуг, и на своей машине поехали в Никольский собор. Супруги до сих пор держалась вдали от любой религии, считая ее бессмысленной и нелогичной. Но сейчас было совершенно необходимо на кого-то постороннего переложить тяжесть свалившейся беды. И самым подходящим местом для этого им показался собор в честь папиного святого покровителя.

Пока Светлана покупала в церковной лавке свечи, Игорь заказал заочное отпевание. Потом они отошли в сторонку под свод зала и стали внимательно слушать молитву священника за упокой. Батюшка отпевал сразу нескольких усопших, но почему-то казалось, что все слова, которые он говорит, обращены исключительно к Свете и её отцу. Как хорошо, что хоть для церкви все просто и понятно – вот умер человек, и для него всего лишь закончился земной путь. У Светы даже в такой скорбный час все, что касается наличия самой души, и тем более ее местонахождения после смерти человека – вызывало очень большие сомнения.

«А если все-таки все иначе? Ничего не остается после смерти – никакой души, только прах. Зато на земле живые люди хранят память об умершем человеке. Отвели ему в своей душе или мозге постоянный уголок и мысленно разговаривают с ним, обращаются за помощью и за советом, делятся своими достижениями и бедами. Ведь когда человека долго и хорошо знаешь, не так, уж, трудно предугадать, как он отреагирует на ту или иную ситуацию. И скучают по нему» – размышляла Светлана.

Батюшка дал полоску бумаги с таинственными старославянскими знаками, на кладбище её надо будет положить на лоб усопшего. Потом насыпал в кулечек, свернутый из старой пожелтевшей газеты, какой-то серой земли, похожей на пепел, которую следовало упрятать в гроб под покрывало. И велел при выходе из собора непременно купить иконку с ликом святого покровителя. Деревянную дощечку со Святым Николаем, как оказалось, придется поставить дома. И обращаться к ней постоянно, молясь о царствии небесном для заблудшего в вере на земном пути Николае Потапове. Иконка с ликом святого Николая была куплена. «Отдам её маме!» – придумала Светлана.

На кладбище Света с Игорем приехали минут через десять после автобуса. Люди только распределились вокруг свежерытой ямы, суетились с кутьей и водкой. Опять начались прощальные признания в уважении к Николаю Николаевичу. Света пробралась к гробу, установленному на козлах, и сделала всё в точности, как было велено в Никольском соборе. Она до сих пор чуть-чуть надеялась, что, может быть, после этих её действий все-таки произойдет какое-нибудь чудо. Например, в самый последний момент выяснится, что Николай Потапов находился под воздействием глубокого летаргического сна. Просто он очень ослаб от операции, и у него до сих пор не было сил проснуться. А серая земля в кулечке и бумажная полоска на лбу питают его энергией, и у него хватит сил открыть глаза.

Крупные с красивыми узорами снежинки медленно и нежно падали на землю, на цветы и венки, на бледное лицо Николая Потапова – и... не таяли.

Николая Потапова не разбудил даже траурный марш военного оркестра. Военкомат прислал в дополнение к оркестру дюжину курсантов, и они, ёжась от легкого мороза, последовательно и добросовестно исполнили ритуал воинских почестей.

Крышку гроба закрыли, на веревках гроб опустили в яму, выложенную хвойными ветками, чтобы скрыть образовавшуюся внизу лужу, и стали забрасывать могилу землей.

– Вот и все! – прошептала Света тихо-тихо, чтобы никто не услышал.

Стая кладбищенских птиц, услышав скрежет затворов винтовок и сразу же последовавший за этим раскатистый грохот салюта, с криками-воплями разлетелась с деревьев.

Глава 2

2009 год. Санкт-Петербург. Следы

«Хранятся лица в зеркалах

Мгновенья прошлого картины...» (А. Игнатов)

Мир изменился. Вроде бы, все вещи остались на своих местах, но Светлана почувствовала, что вступила в какую-то новую стадию своей жизни, из которой ушел очень любимый и значимый для неё человек.

Что остается, когда кто-то умирает? Дети? Но ведь они есть не у всех! Остаются посаженое дерево, построенный дом. Вокзал и гидроэлектростанция. Написанные писателем книги и художником картины. Предметы искусства и быта. Сшитое платье. Рецепты блюд. Теоремы и формулы лекарств. Научные открытия. Да, пожалуй, все что создано человеком. При этом все оставленное на земле имеет свой индивидуальный срок существования, как правило, многократно превышающий период жизни их создателя.

Когда Света была подростком, одним из её тревожных состояний был страх умереть. Не задумываясь при этом, что остается после того, как закончится человеческая жизнь. Зато в те годы, не имея даже малейшего представления о высшей математике, голографии и тем более компьютерных программах, она любила поразмышлять о том, что когда-нибудь человечество изобретет высокочувствительное оборудование, которое сможет послойно снимать и обрабатывать информацию со стен помещений. Или, например, хотя бы с зеркал. Подобно тому, как сейчас в общих чертах специалисты могут определить, что происходило с деревом, по срезу его ствола, или, чем болел человек, по его волосу. Ведь любое, даже самое малейшее, движение материи в какой-то степени изменяет пространство. И масштаб этих изменений гораздо больше размеров, которыми оперирует ядерная физика.

Фото и видеосъемка, как примитивная стадия фиксации эпизодов человеческой жизни, уже давно были изобретены. В свое время надежду на прорыв в этом направлении открыла голография. Сейчас взрослая и давно окончившая университет Светлана понимала, что снять послойную информацию с любого неодушевленного предмета, включая зеркало или даже стену дома, чисто теоретически – можно. Но вот расшифровать полученные данные и воспроизвести или, выражаясь научным языком, синтезировать по ним картину того, что здесь когда-то происходило, задача гораздо более отдаленного уровня развития науки. При этом, к сожалению, в общем случае – неоправданная по затратам. Вряд ли даже для историков это станет когда-либо доступным, сомневалась Светлана. Если кто-то и сможет протолкнуть прикладное развитие такого синтеза, то, возможно, криминалисты. Они уже сейчас с успехом используют обнаруженные на месте преступления потожировые материалы для определения участников события и их ролей в сюжете произошедшего.

Один из основателей теории квантовой механики Стивен Хокинг вообще считал, что события, произошедшие в прошлом, не происходили каким-то определённым образом. Вместо этого они произошли всеми возможными способами. Это связано с вероятностным характером вещества и энергии: до тех пор, пока не найдётся сторонний наблюдатель, всё будет парить в неопределённости. Таким образом, по Хокингу, независимо от того, какие воспоминания в настоящее время вы храните о прошлом, прошлое, как и будущее, неопределённо и существует в виде спектра возможностей. Прошлое – это вероятность.

Если бы Светлана Куликова узнала о Хокинге несколько лет назад, она вряд ли бы с ним согласилась. Но сейчас, с той или иной степенью отчетливости вспоминая что-то из своего детства, она допускала, что этого и не было вовсе. Или было как-то иначе. Что картины воспоминаний сложились не из непосредственно реальной жизни, а из косвенных сюжетов – рассказов родственников, фотографий, газет, кино. Того, что она видела и узнавала гораздо позже. События хранятся в памяти, но дополняются новыми деталями или утрачивают какие-то свои крупные или совсем маленькие фрагменты.

Время от времени Светлана утешала себя тем, что любимые и важные люди, вне зависимости от всяких там теорий, все равно оставляют после себя свои образы. Прежде всего их физическое присутствие проявляется на лицах и в чертах характера потомков. Это же подумать только – маленькая клеточка, с которой начинается человеческая жизнь, несет в себе колоссальную информацию абсолютно обо всех предках: об их талантах и дурных наклонностях, об их болезнях и тревогах, о каждой доли секунды, которую им пришлось пережить...

Оставляет то оставляет, да кто же станет исследовать в себе эту огромную по объему информацию. И главное, как? Разве что врач иногда спросит – а из родственников кто-нибудь болел диабетом? Не каждый пациент сможет дать ответ даже на такой простой вопрос! Или влюбленный мужчина заметит у своей избранницы некую восточную раскосость глаз. Не было ли в твоём роду татар или кавказцев? Может быть, и были... Возможно, были прабабушки, а дед по материнской линии, кажется, был еврей. В долгой истории рода, как правило, столько разной крови перемешано.

Фотографии в России появились в начале двадцатого века. В детстве Светиной бабушки. И это был первый и до сих пор, как ни странно, возможно, самый надежный способ сохранения образов. Можно себе представить, каким фантастически важным событием в жизни юных гимназисток был визит в фотоателье. По накалу волнения и эмоций его можно соизмерить разве что с романтическим свиданием.

Фотографии печатали в аккуратной тонкой рамочке с краями, оформленными зубчиками при помощи специального резака, и бережно наклеивали на паспарту. Света очень любила разглядывать эти серо-коричневые волшебные теплые и чуть-чуть мутные картонки. С пропечатанным на оборотной стороне экслибрисом фотографа, а на лицевой «С-Петербургъ», и «1916 г.», или «1914 г.». И даже «1904»! Подумать только, это ведь еще до Октябрьской революции!

Если карточки-портреты вывешивали на стену, долгое время была такая мода, они, конечно, выцветали. Сохранились лучше те, которые бережно вставляли в массивный альбом, где страницы перекладывались калькой.

У Потаповых было несколько старинных фотографий. После смерти отца Светлана выпросила их все и забрала себе. Её самая любимая, потому что там почти все предки по папиной линии, датирована 1916 годом. На ней Аполлинарий Потапов – её прадедушка, и трое его детей: старший Александр, погодки Мария и Николай, Светланин дедушка. А еще жена Александра и их малолетний сын. Вот такая была обычная русская семья. И одежда на них соответствующая – на мужчинах темные сюртуки и штаны. На представительницах прекрасного пола длинные с шелковым отливом темные платья с кружевными белыми воротничками. Круглолицый малыш одет в белые штанишки и рубашечку-косоворотку.

Про семью старшего дедушкиного брата Александра из родственников никто ничего не знал, они все куда-то пропали еще в революцию.

Родители Светинового отца, военные врачи, погибли при бомбежке в самом начале Великой Отечественной войны. Их сын, тоже Николай, которому в 41-году было восемь лет, в начале июня по счастливой случайности был отправлен с незамужней папиной сестрой Марией на дачу в деревню, в Псковскую область. Там они пережили и войну, и оккупацию. В Ленинград вернулись только в 1947-м. Мария замуж так и не вышла, своих детей не родила, вырастила племянника, заменив ему родителей.

Фотографии на тонком картоне – это вполне надежно! А вот, например, на мобильный телефон можно без каких-либо усилий снять сотню сюжетов. Выложить лучшие из них в социальные сети. И забыть, где снималась, когда снималась, зачем снималась. Потом купить новый смартфон, потерять старую симку⁴. Потом страничку в социальных сетях взломают и все самоуничтожится. Выяснится, что и на домашнем компьютере ничего больше нет, потому что его несколько раз переустанавливали.

А кино и видеофильмы? Домашние кинокамеры на заре своего появления были в дефиците и стоили очень дорого, Куликовы как-то пропустили этот этап. Зато в середине девяностых Света с Игорем купили свою первую портативную видеокамеру. Тогда их сын Андрей был совсем маленьким. Поначалу снимали много. Первые несколько недель. Но весь отснятый материал приходилось переводить с мини-кассеты в формат VHS, чтобы смотреть на «видиках»⁵ того времени. Так и валяются, где-то в кладовке эти мини-кассеты и кассеты VHS. Форматы сменились, новая техника безразлична к старым домашним видеоархивам. Если сейчас им самим это не особо нужно, то кому из потомков и когда может понадобиться?

А еще, Светлана это не раз замечала, образы родных и близких людей в разной степени отчетливости приходят к людям во снах и воспоминаниях. Иногда и просто так – без повода. Вот ведь у каждого, наверное, так бывало – едешь в метро, и вдруг видишь, напротив тебя сидит женщина. Лет сорока-пятидесяти. И лицо такое знакомое. И очки. И шапка вязаная... Как же похожа она на Светину свекровь, маму Игоря Куликова. Только немного моложе, когда та была пятидесятилетней, а не в последние тяжелые месяцы болезни. И взгляд такой же, и улыбка, и даже наклон головы.

Светлане редко снилась свекровь. Но всегда, встречаясь с ее образом-воспоминанием в метро, или на улице, или во сне, Светлана почему-то испытывала глубокий стыд за то, что безжалостно выбросила полуразвалившуюся мебель и почти все вещи свекрови. Зато уберегла ее лиану. И сына, разумеется.

Или вот Светина двоюродная бабушка, папина тетя. Милая дорогая Маруся, Мария Аполлинарьевна. Она в сороковые годы взвалила на себя тяжелую ношу ответственности и поставила на ноги рано оставшегося сиротой племянника. А потом еще нянчила Свету – как внучку. Светлана часто вспоминала бабушку Марусю – в крепдешиновом цветастом платъице и в каштановых кудряшках, безжалостно прихваченных сединой. И даже, когда после ухода Маруси прошло лет пятнадцать, Света подмечала её черты чуть ли не в любой пожилой петербурженке: в кряхтении, в оханье, в чрезмерной деликатности и построении слишком правильных, даже излишне вежливых фраз, в желании выглядеть моложе своих лет, в стремлении всем помочь, и ни при каких обстоятельствах не быть обузой.

Или зимой, проходя по какому-нибудь двору, Светлана вдруг впереди замечала мужчину в длинной темно-зеленой куртке и в меховой коричневой шапке-ушанке. Со спины вообще кажется, что это её отец. Его походка! Николай Потапов просто идет домой, где его ждет жена Алла. И не надо его обгонять, чтобы увидеть лицо и заговорить. Нет, конечно, это не он. Это всего лишь его образ, пронзительно напоминающий: он был в этой жизни, и оставил в памяти четкий отпечаток.

Говорят, что все имеют своих двойников. И не только те люди, которые ушли в иной мир. Иногда на улице можно встретить лица, мимолетно или вполне себе напоминающие ныне здравствующих знакомых: когда-то любимых мужчин, детей, родственников, друзей.

В редакцию, где трудилась Света, недавно устроился на работу молодой парнишка-журналист, чуть постарше Светино сына. Но так на него похож! У него и пиджак был такой же в точности, как у Андрея. Сколько раз Куликова останавливалась в своем порыве, подойти к

⁴ *SIM-карта мобильного телефона*

⁵ *Видеомагнитофон (просторечье)*

молодому журналисту, приобнять его со спины и поцеловать в теплую шею... Но это же не ее Андрей!

Светлана иногда размышляла о том, что не только чьи-то «двойники», какие бы самые случайные люди не встречались нам на пути, они все равно в том или ином объеме оставляют нам кванты или гигабайты своих образов и своего на нас влияния. А ещё мы проходим свой уникальный жизненный путь, и наши горести и радости – это строго определенное стечение обстоятельств, в котором предстоит угадать и принять какое-то единственное решение.

Человек всю жизнь накапливает информацию. Формируется из мозаики мельчайшей внешних факторов – погодных условий и еды, своего времяпрепровождения, из разговоров и поведения окружающих, прочитанных книг, из потока событий, что льётся на него из семьи, с улицы, с экранов кинотеатров и телевидения, из Интернета – отовсюду! Одни люди и происшествия своим примером демонстрируют, как бывает в жизни, и что делать, другие – чего следует опасаться, и как вести себя не стоит. Окружающий мир каждую минуту посылает нам миллионы сигналов. Большую часть из них мы игнорируем, события и впечатления обтекают нас «впрок». Это происходит до той поры, пока мы отчетливо в какой-то момент не узнаем в своих словах и поступках фразы и действия других людей, их мысли или идеи. Тех впечатлений, что на мгновение мелькнули в нашей жизни или задержались надолго.

И в самом деле – каждый человек аккумулирует в себе информацию трех уровней. Первый, самый фундаментальный и мощный – это константа. Это то, что новорожденный получил в наследство от всех своих предков. Абсолютно от всех! Второй – то, что заложили в него родители и родственники при общении в детстве и юности и то, чем окружили его. В каком дворе жил, в какую школу ходил, с кем дружил, какие книги читал и чем увлекался. И третий – все то, что происходило и происходит вокруг человека на протяжении всей его жизни и связано с относительно посторонними людьми. Если пользоваться юридическим языком из договорной практики – «с третьими лицами».

Помните, у Михаила Булгакова: «Аннушка уже разлила масло»? И можно быть умным и талантливым, жить праведно и нести людям свет и добро. Но есть погодно-природные катаклизмы и преднамеренные или случайные действия восьми миллиардов других людей, живущих на планете. И каждый из них ежесекундно запускает цепь событий, которая в мизерной или огромной степени касается вас. Не важно, где Аннушка разлила масло, хоть в Африке! И не обязательно следствием этой оплошности станет чья-то нелепая смерть. Кто-то, поскользнувшись на масле, откроет новые горизонты всемирного тяготения и найдет способ продлить свою жизнь до бесконечности.

Глава 3

2061 год. Доломитовые Альпы. Машина памяти

В небольшой деревушке, затерянной высоко в Доломитовых Альпах, известный ученый, биоинженер, у которого на униформе, как теперь повсеместно практикуется, вместо фамилии и имени написан пятнадцатизначный идентификационный номер, проводит научные эксперименты в своей лаборатории.

Да, увы! К середине двадцать первого века люди практически перестали обращаться друг к другу по имени, разве что в кругу самых близких родственников. Среди друзей и в рабочей обстановке обычно используются три последние цифры идентификационного номера, а например, на научных видеоконференциях, чтобы представить докладчика в титрах видеочата или в любых публикациях, пишут пять-шесть из пятнадцати его цифр.

Сотрудники альпийской лаборатории обращались к своему боссу «доктор Сто Одиннадцать». И большинство из них понятия не имели, что пятьдесят лет назад, когда будущий ученый только родился, домашние прозвали его Ро.

Ро был инвалид с детства. Инсульт неопознанного происхождения привел к тяжелейшему церебральному параличу и эпилепсии. Так сложились обстоятельства, что Ро с младенчества шаг за шагом выкарабкивался из страшных диагнозов с помощью новых технологий. Постепенно, его тело оказалось напшигено магнитным шунтом, эндопротезами, компенсаторами и прочими стимуляторами работы органов. Проводя много времени в американских и европейских больницах и реабилитационных центрах, Ро еще в юности увлекся цифровой микробиологией и теперь, в начале шестидесятых годов двадцать первого века, в статусе доктора-биоинженера и хозяина частной лаборатории проводил с группой единомышленников исследования на тему «Расшифровка и визуализация генетической и событийной информации, содержащейся в клетках головного мозга».

За плечами немолодого уже ученого числилось немало достижений в сфере раскрытия возможностей и тайн мозга человека. Первым среди коллег доктор Сто Одиннадцать научился читать чужую память. Причем даже отдаленные воспоминания, взятые из глубин коры головного мозга. Благодаря его исследованиям и экспериментам стало возможно точнейшим математическим языком описывать рождение воспоминания, а также регистрировать все причинно-следственные связи при его формировании.

Чуть больше года назад был создан Ро-дешифратор – комплекс сложнейших приборов, объединенных в длинную цепь, который позволял считывать информацию того или иного периода жизни исследуемого мозга. После этого полученные данные анализировались и преобразовывались через каскад синхрофазотронов, чтобы вернуться к исследователю уже в цифровом виде.

Ро-дешифратор работал даже с такими воспоминаниями и событиями в жизни человека, которые сам этот человек вспомнить был уже не в состоянии, или они перекрылись его же переосмыслениями в последующие годы. Для большей точности и объективности информация из мозга испытуемого дополнялась и корректировалась из многочисленных сторонних источников, добытых в глобальной сети.

Можно было идти дальше. И в лаборатории все готовились к презентации следующего коллективного детища – по аналогии с Ро-дешифратором сотрудники окрестили его Ро-синтезатор.

Это, разумеется, не была машина времени в привычном понимании, сформированным старым кино, когда исследователь или сторонний наблюдатель мог бы лично не только присутствовать в том или ином временном отрезке в своей телесной оболочке, но и сколько-нибудь на него влиять. Нет! Это был прибор, позволяющий на квантовом уровне в специальном эфирном пространстве объемно и в мельчайших деталях моделировать события и мысли из цифрового потока, сформированного дешифратором памяти.

Воспоминания представлялись в виде голограмм, повторяющих реальные изображения событий. При этом воспроизводились также запахи, звуки окружающей среды и температурный режим – все в точности совпадало с тем, что было когда-то в реальности.

Таким образом и в общем случае, если у исследователей был доступ к мозгу человека, Ро-дешифратор мог перевести всю информацию, содержащуюся в нем, в цифровой код, а Ро-синтезатор, дополнив имеющиеся данные, призван был наглядно и подробно воссоздать любой отрезок времени из жизни этого человека.

Первым впечатлением зрителя, участвующего в испытаниях Ро-синтезатора, будет иллюзия, что он смотрит спектакль. И да, можно воспринимать это всего лишь как новый вид развлечения – сверхреалистичного искусства, более совершенного, чем гибрид театра и кино. А можно, наблюдая скрупулезно восстановленные, без прикрас, фрагменты своей и чужой человеческой жизни, понять, наконец, какие-то важные моменты событий, разобраться в том, что происходило – иногда это приятно и волнительно, а иногда безумно тяжело.

С философской точки зрения доктор Ро воспринимал свое изобретение как открытие новой формы бессмертия. Ведь все, что происходило с человеком с рождения до последнего вздоха, гипотетически сможет храниться бесконечно долго в виде биоматериалов мозга или уже сразу в оцифрованном виде. Новый вид истории – реальная судьба живших на земле реальных людей.

Таким образом, доктор Сто Одиннадцать приблизил человечество к тому, что все, что происходило с людьми, при условии, что есть возможность провести скрининг их мозга, никуда не исчезало и могло быть воспроизведено и визуализировано. И даже это не стало бы финальной точкой в исследованиях. Ученые в будущем смогут из клеток мозга живого человека считывать дифференциалы информации – сведения о том, что происходило с предками этого человека до того, как они стали родителями.

Ро бережно достал из криогенной камеры биокассету с записью информации, добытой из скрининга собственного мозга, и вставил её в дешифратор. Оптоволокно от передатчика дешифратора тянулось в толщу горы, там как раз и находился каскад синхрофазотронов. Из недр горы по толстым кабелям в кабинет доктора Одиннадцать через четверть часа вернулась уже математическая модель информации. Подсоединив кабель к новому, еще не обрамленному в прозрачный полимерный корпус Ро-синтезатору, и надев линзы со встроенным ай-треккером, доктор Одиннадцать приготовился смотреть кино. Или спектакль. Или свою жизнь.

Сначала шли одни помехи и изображение было неустойчивым и невнятным. Доктор Одиннадцать взглядом изменил входные настройки и установил на дешифраторе точное время, 25 апреля 2025 года. В углу лаборатории на специальной площадке, заполненной туманоподобной субстанцией появилось трехмерное изображение. С каждым мгновением оно становилось все более четким.

Глава 4

2025 год. Пенсильвания. Теория относительности

«Ты стоишь на куске камня с раскаленным центром, который летит с бешеной скоростью в неизведанное пространство бесконечно расширяющейся Вселенной. Как при этом ты можешь чего-то бояться?» (из сети)

Ро ехал в своей инвалидной коляске-капсуле по дорожке медицинского центра в Пенсильвании, был солнечный апрельский день. В воздухе стоял дурманящий запах прелой сосны, которую подсыпали к подножию деревьев в качестве удобрения. Заливисто щебетали птицы, и бутоны кустарников и цветов только-только раскрылись.

На скамейке сидела необыкновенно красивая и бледная девочка. У этой скамейки и рядом с этой красавицей невозможно было не остановиться.

– Hallo! Г'm Ро⁶! – даже такие простые слова очень тяжело давались мальчику, все его тело потрясывалось, подросток всего несколько месяцев назад научился с горем пополам ворочать языком и поэтому говорил как робот:

– Who are you?⁷

– Я уже никто! Представляешь, уже никто и ничто! – по-английски с грустью ответила девочка, не поднимая глаз, как будто разговаривала не с Ро, а сама с собою, – Мне даже операцию делать не стали! Моя мама до сих пор уговаривает врачей попытаться. Не берутся! Говорят, поздно! Везет тебе! Ты хоть и инвалид, но будешь жить! А я скоро умру!

– По-че-му? – только и смог выговорить Ро.

– У меня опухоль в голове. Я боюсь! Я очень боюсь. Потому что я умру!

Как же мальчик хотел её утешить и рассказать, что у него тоже был несколько тромбов в сосудах головного мозга, что ему сделали семь нейрохирургических операций и поставили магнитный шунт. А когда у него перестали развиваться тазобедренные суставы, их заменили на импланты. И в желудке у него пластиковая трубочка. И что каждые пять лет ее надо доставать и менять на новую. Рассказать, что он до сих пор совсем не может управлять своими ногами, и руки, тоже не всегда слушаются его... Ах, если бы он мог быть уверенным в своих руках, он бы подъехал поближе к девочке, и обнял, и утешил её. Если бы он мог как следует говорить, он бы сейчас ей сказал волшебную фразу. Этими словами частенько приободрял его лечащий врач-невропатолог: «Твой мозг – фантастический по своей сложности биологический суперкомпьютер. Твое тело состоит из веществ, которые были рождены в ядрах умирающих звезд. Ты стоишь на куске камня с раскаленным центром, который летит с бешеной скоростью в неизведанное пространство бесконечно расширяющейся Вселенной. Как при этом ты можешь чего-то бояться?»

Вместо всего этого Ро, с трудом проговаривая слова, сказал:

– Нет! Сейчас лечат все! Это же просто опухоль! Проси операцию! Жи-ть!

– Мне уже поздно! Я ведь каждый год делала скрининг. Почему они пропустили, и все разрослось? Так обидно! Я никогда не стану взрослой, не буду невестой и не выйду замуж, и у меня не будет детей, и ничего не останется после меня...

– Я то-же. Ни-че-го... Не оста-нет-ся...

⁶ (английский) Привет! Я Ро.

⁷ (английский) Кто ты?

– Ну, у тебя есть шанс. Наука не стоит на месте. Что-нибудь придумают и изобретут. Ведь главное – жить! Да, я догадываюсь, как тяжело быть инвалидом! У тебя есть друзья? Тебя кто-нибудь любит?

Мальчик призадумался. Он не знал, что ей ответить. Ро часто страдал от физической боли. Его жизненный путь до четырнадцати лет – чередование реанимаций и реабилитаций. Но его любили родители, бабушки и дедушки. За него боролись с иступлением и до самозабвения. Он не мог этого не замечать. Да, друзей у него, пожалуй, не было. Он ни с кем не играл во дворе и ни разу не ходил в школу – был на домашнем обучении. Но в школу сейчас не ходят и многие здоровые дети – учатся по видеосвязи. Здесь, в реабилитационном центре, он пару дней назад познакомился с мальчиком из России, из Санкт-Петербурга, и с поляком. Это были, пожалуй, его первые друзья в жизни. У Ро всегда были няня и гувернантка. На улице все ему помогали и сочувствовали. Он редко оставался один. Только ночью. Он все это сразу вспомнил, но он не мог говорить длинных фраз, язык не слишком хорошо его слушался, поэтому вслух просто сказал:

– Да!

– Значит, у тебя есть какая-то важная миссия в этом мире! А у меня нет. Мой максимум – доказать науке, что моя опухоль не операбельна! И может быть, помочь диагностике для следующих заболевших. А ты еще помучаешься, Ро! Меня никто не любит! Мне иногда кажется, что даже мама меня больше не любит! Мама мечтала, что я буду красивой и успешной девочкой. Она будет наряжать меня в самую модную одежду, и я стану фотомodelью. Мама не жалела денег на мое образование, на мои невероятно эффектные наряды. Между прочим, у меня с пяти лет были личный стилист и парикмахер. Она всегда считала, что, если вложить в ребенка кучу денег, то он станет счастливым. И сейчас она готова заплатить любую сумму, чтобы оставить меня здесь в самых комфортных условиях и уехать домой. Чтобы не видеть, как я умираю.

– Я луб-лу...тебя! – кое-как, вывернув язык, произнес мальчик.

– Ты даже не знаешь, как меня зовут! А меня зовут Маргарита... И имя то мое выговорить не сумеешь! – жестоко усмехнулась юная красавица.

– Маргарита! – уверенно, и неожиданно даже для себя, провозгласил Ро.

Девочка встала со скамейки подошла поближе к коляске Ро, посмотрела ему прямо в глаза, обняла и пообещала:

– Я тебя тоже люблю! Если есть какая-то потусторонняя жизнь, мы с тобой там обязательно встретимся. Мы будем ангелами! Ты будешь красивым и здоровым, не только ходить и бегать, но и летать. Я тоже буду летать. На мне будет красивое белое платье из нежного струящегося шелка, разные украшения... И там я выйду за тебя замуж. Мы будем жить вечно и счастливо! Там...

– Здесь! Там ничего не будет!

– Откуда ты знаешь?

– Знаю! Мал..ка..ли-да! – второй раз так лихо произнести имя новой подруги у него не получилось.

– Я не Малкалида, а Маргарита! – засмеялась девочка. – Ну, хорошо! Тогда по-другому. Я постараюсь немного еще пожить. Ты станешь врачом и сделаешь мне операцию. И я выйду за тебя замуж! Да?

– Да! – пообещал мальчик.

Ро почувствовал легкое головокружение и забеспокоился, что сейчас от волнения у него могут начаться судороги. Он поспешил попрощаться с Маргаритой:

– Зав-тра при-ду! Сю-да! Да?

– Завтра в три часа тебя здесь буду ждать! Если доживу до завтра. Мне сказали, что это может случиться в любой момент. Мозг просто отключиться и все.

На следующий день Ро прикатил на своей автоматической коляске-капсуле к лавке, где расстался с Маргаритой, за несколько минут до назначенного времени. Девочка не пришла. Ро корил себя за то, что не догадался спросить у нее номер социальной карты, сейчас бы они могли продолжить общение виртуально. Слезы стояли у него в глазах, он беспокоился, что сам не сможет их вытереть, кто-нибудь увидит, и будет стыдно, что он такой беспомощный.

Уже часов в пять, когда надо было ехать на реабилитационные процедуры, за ним пришла няня.

– Ро! Да что же это такое! Разве можно меня так пугать! Я ищу тебя повсюду! Почему ты не реагируешь на мои месседжи? Зачем ты отключил определитель геолокации?

Мальчик сделал легкое движение головой назад, чтобы поправить чип, и тут же услышал целый рой пропущенных голосовых сообщений.

Няня развернула Ро от скамейки и, переключив коляску на ручное управление, покатила в сторону физиотерапевтического корпуса. Убежать от нее, чтобы попробовать поискать Маргариту на территории клиники, мальчик не мог, а потому даже и не пытался.

Вечером, уже лежа в кровати, он долго искал информацию о Маргарите на больничном портале, потом в открытой сети. Вот если бы у него хоть что-то осталось от незнакомки. Хотя бы номер социальной карты, он бы нашел ее очень быстро! Сейчас с этим нет никаких проблем.

Никого и ничего. Как будто Маргарита была сон. А может быть, она и в самом деле была галлюцинацией. И ее никогда не существовало?

Глава 5

2010 год. Санкт-Петербург. Отцы и дети

В преддверии своего пятидесятилетия, Светлана Куликова все чаще размышляла, с чем пришла она к своему «полвеку». Вне всякого сомнения, родители всегда были ей опорой, и при этом сразу после школы особо не вмешивались в её дела. Она имела право считать, что все, чего добилась, добилась сама. Сама выбрала университет. Сама поступила. Училась. Влюблялась. Разочаровывалась в отношениях. И потом выбрала себе мужа... Игоря Куликова. Как выбирала? Из встретившихся на пути мужчин, она обратила внимание на человека, с которым с одной стороны, как ей тогда казалось, могла ужиться под одной крышей, а с другой – он был ей интересен как мужчина. И Светлана ведь тоже ему чем-то понравилась. Это и есть любовь? Наверное. Возможно... Любовь в какой-то ее форме и на определенном отрезке времени. В системе сиюминутных эмоций и длительных компромиссов. Она потом много лет пыталась разобраться, был ли ошибкой её выбор. «Может быть, – сомневалась Светлана, – я все-таки немного поторопилась и не дождалась любви всей своей жизни. Или все-таки Игорь Куликов был в точности тем, кто мне нужен, а я это просто в какие-то периоды своей жизни этого не понимала?»

Ничто не досталось Светлане и Игорю просто так. Они сами заработали денег на свою первую и пока единственную квартиру. И были уверены, что именно благодаря самостоятельности, ответственности, умению ни на кого не перекладывать свои проблемы и принимать решения, им удастся проходить по жизни ее сложными маршрутами и достигать желаемых результатов. При этом у их единственного ребенка так и не появилось ни брата, ни сестрички, потому что подспудно над супругами довлел постоянный гнетущий страх остаться без работы и без заработка.

В свое время, что только Светлана не делала, чтобы не забеременеть! Испытала на себе весь арсенал советской медицины и фармакологии. Пусть и был этот выбор довольно убогим. Успокоилась немного, когда стали доступными качественные гормональные контрацептивы. Но опасения, что она может «залететь», все равно преследовали супругов и постоянно отравляли радость интимных отношений.

Андрею, как единственному ребенку в семье, достались любовь и безграничное обожание от родителей, и от бабушек и дедушки. Светлана, словно клуша, возилась со своим сыном, стараясь максимально погрузиться в его дела и проблемы. Орлицей по первому зову готова была прилететь на помощь ребенку и отогнать от него прочь любые невзгоды. Андрей неплохо учился. Посещал спортивные секции. Но когда после тренировок по боксу стал жаловаться на боли в животе, Светлана настояла на том, чтобы занятия боксом прекратились. А сколько страха она натерпелась, когда сын увлекся скейтингом. Разве что не вставала рядом с ним на доску и не перепрыгивала через поребрики и скамейки! Неугомонная мамаша помогала сыну писать школьные сочинения и решала задачи по алгебре. Это она уговорила Андрея после школы поступить в университет на экономический факультет. И это она наняла репетиторов и подключила своих влиятельных знакомых, чтобы максимизировать вероятность успешной сдачи вступительных экзаменов. Все получилось. Остановиться? Нет! Уже невозможно! Света шаг за шагом предлагала сыну свою помощь: в домашних заданиях и в курсовых, хотя до этих пор ни малейшего представления не имела ни о бухучете, ни о маркетинге. Чтобы быть полезной сыну, она прочитала кучу учебников и чужих рефератов и курсовых работ из Интернета.

И очень гордилась тем, что он постоянно обращался к ней за советом, и любую помощь принимал благосклонно.

Это ведь Света посоветовала сыну жениться на однокурснице Алисе. Чудесная девочка, умница, красавица. Из очень хорошей интеллигентной семьи. Такие сейчас – большая редкость. Ну и что, что жених и невеста – оба студенты! Пусть им не исполнилось еще и двадцати лет! А родители на что? Главное не упустить драгоценное время, не потерять свою такую хрупкую любовь.

Куликовы-старшие вместе с Алисиными родителями помогли молодым снять квартиру, сыграли красивую и задушевную свадьбу – живите и размножайтесь!

Алиса и Андрей жили дружно и по-своему весело: прогуливали занятия, болтались по кафешкам и кино, разъезжали по разным городам и дальним странам. Только Алиса никак не могла забеременеть. Очень хотела. Но не могла.

Со временем ожидание беременности Алисы превратилось во всеобщую идею фикс. При этом Света, как мама мужчины, узнавала обо всем в самую последнюю очередь. Хорошо еще, что Алисина мама, Татьяна Луковская, разделяя всеобщую озабоченность, иногда докладывала Светлане о состоянии здоровья и новостях своей дочери: «Были у этого врача, потом у этого. Вроде все нормально. Будет ребеночек. Когда-нибудь. Но не в этот раз...»

Однажды Татьяна позвонила ближе к полуночи – у Алисы задержка на два дня!

– Ура! – отреагировала Светлана Куликова, – Ну, наконец-то будет у нас с вами внук!

– Или внучка, – деликатно поправила Луковская.

– Да пусть уже хоть кто-нибудь будет!

Узнав такую потрясающе хорошую новость, Игорь Куликов вызвался сбегать в круглосуточный магазин и купил шампанского. Просидели вдвоем за накрытым по-праздничному столом до утра. Праздновали. Не успели Куликовы-старшие как следует нарадоваться, буквально через два дня сын объявил:

– В этот раз ребенка не будет. Все рассосалось! Успеем еще...

– Конечно, успеете! – попыталась подбодрить Андрея мама, но сама при этом ужасно расстроилась.

Как же ей хотелось внука понянчить!

Через несколько недель Андрей и Алиса попросили у Луковских денег и купили полуторамесячного щенка йорка.

Внутренне Светлана чувствовала, что все пошло куда-то не туда. Но куда, и как оттуда вернуться? И её саму, и женатого сына, и уж тем более Алису стала тяготить взаимная привязанность.

«Но при этом, – рассуждала Света в свое оправдание, – он так молод и неопытен, что обязательно наделает кучу непростительных ошибок, которые потом тяжело будет исправлять!»

Встать на правильные рельсы помогла случайность. Светлана готовила ужин на кухне и, вдруг, услышала из телевизора: «Детей надо отпускать!». И вслед за этим сразу еще и народную индийскую мудрость: «Ребенок – гость в твоём доме. Накорми его, обогрей и отпусти!»

Торкнуло!

Ну, конечно! Она что, не знала об этом раньше – знала! Не понимала, что каждый человек должен пройти свой путь, сделать свои ошибки, выстрадать свои поражения? Знала! Не до конца понимала? Теперь все будет иначе! Её сын – взрослый!

Светлана перестала вмешиваться в дела Андрея! Победа?

Как ни странно, сын быстро адаптировался к новым условиям полного невмешательства мамы в его судьбу. И выбрал неожиданный путь. Теперь Луковские взгромоздили на себя заботы о молодой семье и решали проблемы не только Алисы, но заодно и Андрея.

Родители Алисы были вполне обеспеченными людьми. У Татьяны Луковской был свой магазин в центре города, и муж Алексей ей во всем помогал. Света попыталась несколько раз

поговорить с Луковскими на тему, что из соображений воспитания самостоятельности и ответственности детям следовало бы предлагать «не рыбу», а «удочку», но, по всей видимости, была не слишком убедительна в доводах и не нашла интереса и понимания. С её стороны решение было принято однозначно – она самоустранилась от влияния на судьбу сына и молчаливо с любопытством наблюдала за тем, во что «вписывается» её Андрей.

Время шло. Брошенный родителями на произвол судьбы сын чувствовал себя совсем неплохо. Они с Алисой готовились к госэкзаменам и защите университетских дипломов. На деньги Луковских Андрей и Алиса открыли интернет-магазин. Купили дорогую машину. В разговорах с родителями у Андрея стали появляться менторские нотки. Он восхищался обаятельностью Луковских, особенно Татьяной, и постоянно ставил их в пример.

Светлана относилась к этому снисходительно, искренне радовалась успехам сына и в глубине души хвалила себя за то, что перестала активно навязывать свою помощь. Ей казалось, что раз она поступила правильно, «отпустив» сына на волю, пора пожинать плоды этой грамотной тактики и почивать на лаврах.

Радужную картину нового неизведанного мира заметно портил Игорь Куликов. Он постоянно шпынял Андрея по поводу и без повода и всячески пытался доказать сыну, что тот полный ноль. Ревность Игоря к успехам Татьяны Луковской перешла все разумные границы. Светин муж начал откровенно хамить Алисиной маме на общесемейных встречах, и без того становившихся все более редкими.

В представлении Светланы мама Алисы по-прежнему оставалась незыблемым примером для подражания. И понятно было все, что и почему делает Татьяна Луковская. Только Светлана не умела делать также. Принципиальная разница была и в их манере общения с детьми. Светлана старалась объективно оценивать действия сына, чаще его критиковала, чем хвалила. И в глаза, и за глаза. Пыталась анализировать жизненные ситуации с позиции: «Что ты сделал неправильно и как тебе следовало поступить». Она и в общении с Луковскими, и с Алисой никогда не скрывала свое недовольство теми или иными поступками Андрея.

Татьяна Луковская, наоборот, всегда горой стояла за свою дочку. Чтобы хорошего или плохого не сделала Алиса – безоговорочно принимала ее сторону.

Светлана Куликова и Татьяна Луковская были почти ровесницами. Общего у них было и то, что они имели равные стартовые условия – тогда, в начале девяностых. Просто одна из них, Татьяна, добилась значительных успехов в своем бизнесе, а у Светы и бизнеса то никакого не было, только наемная работа. Но Луковская, пройдя суровую школу выживаемости в своей молодости, в отличие от Светланы, до сих пор пыталась всячески оградить дочь от малейших трудностей и проблем. При этом базовый подход к вопросу о том, что семья, дети и внуки – самое важное в жизни, был у обеих мам совершенно одинаков.

Подавляющее большинство людей в глубине души завидуют детям богатых родителей. Потому, что единственная проблема таких счастливиц – чего бы такого нового и интересного захотеть, чтобы было круче, чем у всех!

Что делает девушка, у которой нет финансовых проблем? С помощью косметологов и фитнес-тренеров доводит до совершенства свое тело, фигуру, внешность. Поступает в университет на коммерческой основе. Или через систему связей и репетиторов за те же огромные деньги получает бюджетное место. Возможно даже, что она учится вполне добросовестно: ходит на лекции и сдает экзамены. Хотя это, скорее, исключение из правил. Продолжает покупать на деньги родителей самую модную одежду, обувь, украшения. Выбирает автомобиль в цвет любимой сумочки. Родители дарят ей квартиру. Ничего удивительно, что у нее формируется прекрасный вкус. Умение из лучшего выбирать самое лучшее. А дальше? И девушка, и ее родители ждут, раз они так хорошо подготовились к жизни, то высокая планка будет во всем: в отношениях дочери с любимым мужчиной, в умных, красивых и здоровых детках. И ни у кого нет времени особенно задумываться – любые возможности бывают до поры до времени.

Хорошее образование – замечательно, это много! Любовь и обожание родителей – прекрасно! А дальше – огромный мир, где деньги и успех лишь небольшая часть очень сложной системы. Если у человека не было опыта борьбы с обстоятельствами и не было трудностей в достижении целей – значит, не было побед. Своих собственных побед. Отсутствие борцовских качеств неминуемо приводит к нежеланию и неумению выстраивать не только будущий бизнес – этому еще как-то можно научить и научиться, но самое главное – строить отношения и принимать компромиссы и неминуемые удары судьбы.

Тысячи лет назад люди жили в пещерах и землянках и ходили на охоту. Они пребывали в постоянной опасности за свою жизнь и жизнь своей семьи. Войны, голод, тяжелые болезни. Люди умирали, но человеческий род продолжался из поколения в поколение, становясь выносливее и сильнее. При этом все время, пытаясь найти любые средства своей защиты: молитвы, ритуалы, медицину, оружие, законы, люди искренне радовались тому, что добыли пищу, что имеют теплый кров, что победили врага, что не выкосили полностью их семьи страшные болезни. В наши дни мы тоже просим здоровья, но только, когда что-то угрожает нашей жизни или жизни близких. А в каждый обычный день мечтаем о великой любви или великом богатстве. Просто масштаб этих мечтаний разный у каждого человека.

Глава 6

2009 год. Винчи

Фаббио
и
Паоло

*Legge superiore a tutte le leggi è l'amore. (Boezio)*⁸

Фаббио Джуани родился и вырос в Тоскане, в небольшом провинциальном городке Винчи. Он, как и великий Леонардо да Винчи, был незаконнорожденным. Впрочем, в жизни у Фаббио было несколько «отцов», потому что Валентина, красавица-мать, легко сходилась с мужчинами и также легко с ними расставалась. Ее семейная жизнь немного стабилизировалась, когда Фаббио перевалило за двадцать лет. Валентина устроилась на работу старшим администратором в один из местных отелей и почти сразу стала любовницей престарелого хозяина. Фаббио тоже нашел свое место под солнцем – Валентина попросила, чтобы сына взяли официантом в гостиничный ресторан. В тридцать лет Фаббио получил должность метрдотеля.

Паоло, хозяин отеля, был русским по происхождению. Опасаясь за будущее семьи и не ожидая ничего хорошего после прихода большевиков к власти в 1917 году, его родители бежали из России с малолетним сыном. После мытарств по разным уголкам Европы беженцы осели в Италии. Паоло совсем плохо говорил по-русски. Он довольно рано лишился поддержки родителей, всю жизнь тяжело и упорно работал. Был и продавцом в магазине, и бариста, и агентом по недвижимости. Только к шестидесяти годам мужчине удалось обзавестись собственным отелем и двумя небольшими квартирами – в пригороде Флоренции и в Винчи. Паоло не был женат, и у него не было своих детей. Фаббио мечтал, что хозяин женится на его матери Валентине, и тогда молодой человек станет полноправным наследником всего солидного хозяйства.

Так получилось, что Паоло прожил с Валентиной в любви и согласии больше четверти века. Валентина умерла несколько месяцев назад, так и не дождавшись от любимого мужчины официального предложения и регистрации законного брака. Фаббио Джуани, которому к тому времени исполнилось уже сорок четыре года, занял место старшего администратора в отеле, сменив на этом посту свою мать. Фаббио служил Паоло верой и правдой, и все еще надеялся, что старик смилостивится и напишет завещание в его пользу.

К семейной жизни Фаббио особо не стремился. Разумеется, у него были романы и подружки. И даже была внебрачная дочь, которой он старался по мере сил помогать. Но обстоятельства так и не сложились, чтобы создать полноценную семью и построить свой дом. О нем самом всегда заботилась мать – обеспечив доступные кров и еду в отеле. Чем он сам мог облагодетельствовать потенциальных жену и детей? Небольшой зарплаты хватало на модную одежду, путешествия в Европу и Америку и августовские, после феррагосты⁹, поездки к морю. Но как жить с семьей и детьми в служебном номере, в отеле?

Фаббио, едва окончив школу, принял принципиальное решение не связываться с женщинами своего родного городка. Здесь все друг друга знают и все знают друг о друге. Даже появление нового горшка с пальмой у входа в какое-нибудь здание могло стать предметом недельного обсуждения. Ну, разве что пофлиртовать с кем-то из девушек, остановившихся в отеле:

⁸ Высший закон для всех законов – это любовь (Бозций)

⁹ Феррагосто – праздник Успения Богородицы или Вознесения, который итальянцы отмечают 15 августа, завершая сезон больших летних работ

приехали, прожили три-четыре дня, уехали. Немки, англичанки, а в последние годы было особенно много русских. Он начинал общаться с одинокими путешественницами преимущественно по-английски. Как раз и его, и их знаний, хватало для того, чтобы сказать и услышать пару стандартных комплиментов и договориться о свидании в номере. Впрочем, когда позже он оказывался в этом самом номере, иностранки предпочитали слушать его восторги и комплименты на итальянском, усердно повторяя за ним красивые итальянские слова: *bellissima, cara mia, ciccia, tesorina, amore mio*.¹⁰ В свою очередь от русских подружек он научился говорить: спасибо и пожалуйста, привет, и «как дела?». А потом и более сложные слова и фразы: здравствуйте, я вас люблю, приезжайте к нам еще. Фабио гордился таким своим знанием русского языка, приветствуя русских гостей в лобби-баре и утром за завтраком. В последние три-четыре года русские и особенно украинские туристки стали все чаще выходить замуж за итальянцев. Даже в Винчи смешанные браки перестали восприниматься как экзотика. Фабио на дух не переносил брачных хищниц, и при малейшем подозрении в посягательстве на свою свободу, в тот же час прекращал любые отношения.

Фабио Джуани практически безошибочно мог угадать национальность только что прибывшего гостя. Путался только в туристах из Латинской Америки: колумбиец, аргентинец или бразилец. Да и не беда, они редко приезжали в Винчи. Зато все чаще в городе появлялись не только русские, но и китайцы. К сорока пяти годам Фабио вообще потерял интерес к итальянкам. Они крикливые, болтливые, злопамятные, меркантильные. И не такие, уж, они и красивые, как многие думают!

Незаметно, шаг за шагом, личная жизнь Фабио стала выстраиваться и в Интернете – он переписывался с молоденькими красавицами-иностранками, а потом встречался с ними в своей гостинице или на нейтральной территории – в отелях Венеции, Бари, Неаполя или Рима. С каждой – не более двух-трех раз. Со временем он так привык, что ничего не надо делать, ни о ком не надо заботиться и тратить душевные силы на переживания и завоевание женских сердец, что теперь, даже, если когда-нибудь, пусть гипотетически, дождался бы наследства от Паоло, не стал бы обременять себя семейными узами. Главное, получить это наследство.

Засыпая в одиночестве в своем маленьком служебном номере, Фабио мечтал, что будет делать, когда станет богачом. Отель он сразу продаст. Хотя сейчас кризис и много за него не дадут. Просто здесь все так надоело, что хочется вырвать все грустные воспоминания и начать жизнь с чистого листа. Квартиру Паоло в Винчи он тоже через какое-то время продаст. И никогда не будет возвращаться в этот унылый городок. А вот просторные апартаменты во Флоренции оставит. Арендаторы там приносят неплохой доход. Это будет резерв, если остальные деньги закончатся. Фабио поселится в Милане. И будет путешествовать. Он обязательно съездит в Россию. В Москву, а лучше даже в Санкт-Петербург. И, конечно, он объедет всю Северную Америку. До сих пор он был только в номерах «сьют» Нью-Йорка и в Филадельфии. А когда получит наследство, сможет останавливаться в дорогих отелях и платить щедрые чаевые. Еще Фабио купит себе новый автомобиль. Только не Fiat – этого добра у него всегда хватало. Это будет, например, Mercedes, ML-класса – ослепительно белый, последняя модель, с белым кожаным салоном, мощным двигателем и всякими акустическими излишествами. И еще мотоцикл – Ducati, мечта детства. Как же счастливо он заживет, когда у него будут деньги!

Паоло был уже очень стар. Ему перевалило за девяносто шесть. При этом старик чувствовал себя вполне прилично, и иногда по воскресеньям ходил в церковь. Это была та самая церковь Святого Распятия («Santa-Croce»), где по преданию в середине XV веке крестили Леонардо, незаконнорожденного сына крестьянки Катерины и нотариуса Пьеро. Экскурсоводы на площади перед церковью обычно рассказывают туристам, что это не город назвали в честь великого изобретателя, ученого, архитектора и художника, а мальчику дали – нет, даже не

¹⁰ (с итальянского) – красавица, моя дорогая, малышка, сокровище, любовь моя.

фамилию, а принятое в ту пору имя-описание: *Leonardo di ser Piero da Vinci* – *Леонардо от господина Пьеро из Винчи*.

Паоло встречался в церкви со своими престарелыми приятелями, а потом они втроем или вчетвером заходили в близлежащий бар. Без суеты рассаживались на просторной тенистой террасе, укрытой от посторонних глаз мощными зарослями плюща и осыпанного мелкими белыми цветами джельсомино.

Ах, какое хорошее вино водилось у тамошнего хозяина. И песочное печенье, нашпигованное мелкими кусочками ветчины и фруктов, которое там подавалось в качестве закуски, вне всякого сомнения, было самым вкусным в округе. Паоло знал еще прадеда хозяина этого бара, что уж говорить про деда и отца. Тоскану вином не удивишь, у всех ее обитателей весьма тонкий вкус. Старики предпочитали вино урожая 2003 года. Вдыхая терпкие виноградные пары и наблюдая за игрой теней на поверхности напитка в бокале, Паоло любил поспорить с приятелями, что произойдет раньше – у хозяина бара закончатся все бутылки удачного года, старики дождутся достойного вкуса от зрелости вина будущих урожаев или попросту умрут.

Фабио Джуани вынужден был все больше времени тратить на заботу об одиноком Паоло. По утрам приносил из гостиничного ресторана свежеспеченные круассаны и варил ему кофе-мокко в старой гейзерной кофеварке. После этого, как правило, старик надевал белоснежную рубашку, безупречно отглаженный темно-синий костюм и в сопровождении Фабио направлялся в отель, чтобы посидеть в лобби-баре, лично поздороваться с вновь заселяющимися гостями и поболтать о том, о сем с постояльцами. Паоло заходил на кухню, потом обязательно расспрашивал дежурного ресепшн о том, что и как. Незадолго до обеда – *la passeggiata*¹¹ – Фабио выгуливал Паоло по близлежащим к отелю улочкам и в небольшом городском парке. Потом обед в одном из местных баров или ресторанчике, где надо было ждать, пока старик наговорится с их хозяевами или другими такими же почтенного возраста посетителями, и можно будет вернуться домой. Прежде, чем Паоло уляжется подремать, Фабио читал ему вслух газеты, пересказывал новости из Интернет, докладывал о хозяйственных делах отеля. Вечерами они иногда вместе смотрели телетрансляцию футбольных матчей – дома, либо в местном спорт-баре, оба были заядлыми болельщиками и фанатами клуба «Ювентус».

Фабио день за днем постепенно переносил свои вещи из номера отеля в квартиру старика, которая была в двух шагах от отеля. Когда ему нужно было уехать по делам или на каникулы, за Паоло приглядывала пожилая соседка – в прошлом горничная. При малейших недомоганиях для Паоло тот же час вызывали врача. Самым страшным событием для Фабио была бы смерть старика. Вот вдруг он внезапно уйдет в мир иной... А как же завещание? Кому все достанется? А может быть, завещание уже написано и ждет своего часа у нотариуса?

Паоло не мог не догадываться, чего ждет от него Фабио. Но всячески уходил от разговоров о наследстве, с какой бы стороны не пытался подойти к этой теме его молодой друг.

– Вы православный или католик? – нашел новый дальний заход Фабио в один из вечеров.

– Меня крестили по православному обряду. Но сколько я себя помню – посещал преимущественно католические храмы. И сейчас, как ты знаешь, почти каждое воскресенье встречаюсь с друзьями в нашей церкви. Должен признаться, к старости стал убежденным атеистом. Сказать точнее – агностиком! Давно понял, что религия, слепая вера – это не мое! – признался старик

– И что, вы совсем не верите в загробную жизнь? – не унимался Фабио. Сам-то он был убежденным католиком.

– Не верю! – усмехнулся Паоло. – Мир материален и жесток. Мое тело обратится в прах, и уже через пару-тройку лет никто не вспомнит, что я жил.

– А как же душа? Встреча на небесах с вашими предками, с моей мамой?

¹¹ (с итальянского) – пешая прогулка

– Да ладно! Нет никакой души! – медленно, но без тени сомнения в голосе провозгласил старик. – Все вот эти рассказы людей, испытавших клиническую смерть – не более чем иллюзии от воспаленного мозга. Соломинка, за которую им хочется ухватиться.

– Но все они видят одно и то же! Коридор, тоннель, вдалеке свет... И даже, как правило, они встречают там своих умерших родственников.

– Они видят одно и то же, потому что, во-первых, их организм находится во вполне определенном психофизическом состоянии. Это сугубо физиологические параметры – давление, пульс, температура – дают такое состояние мозга, когда человек видит подобный сон. С небольшими индивидуальными отклонениями. А, во-вторых, они же прежде всегда слышали от других, что такое обычно снится. И этот чужой сон как раз и засел у них в памяти.

– Но как же жить, зная, что все закончится раз и навсегда?

– Так же! Теми же методами и способами! Здесь и сейчас. Радуюсь тому, что живешь. Наслаждаюсь каждым глотком вина, окружающим тебя миром и каждым прожитым днем. Главный парадокс жизни – в ней нет абсолютно никакой конечной цели, только промежуточные. Процесс! Поиски счастья, решение больших и малых задач, постоянное преодоление трудностей, борьба сначала за то, чтобы добиться чего-то нового, важного, значимого для себя, а потом за то, чтобы как можно дольше не потерять, что имеешь. Исполнение своей некой случайной, неосязаемой и порой непонятной миссии. Только сам процесс... Это всего лишь путь.

– Неужели только для этого процесса человек и живет на земле?

– Да! И чем раньше ты перестанешь готовиться к весьма сомнительному загробному миру, тем более полноценно проживешь свою единственную жизнь. Я начал понимать эти простые вещи, когда мне уже перевалило за шестьдесят. Дыши полной грудью, получай удовольствие от жизни. Это не только лучший из миров – он единственный! Ничто не дается нам раз и навсегда – ни победы, ни деньги, ни любовь, ни, увы, как видишь, даже сама жизнь! Все вокруг: природа, человек, бизнес, чувства – имеют свой цикл: рождение, взросление, зрелость, старость и смерть. Просто каждый из этих циклов и все его составляющие по продолжительности у всех и всего разные.

– Жаль, если потом ничего не будет... – искренне расстроился Фабио.

– Не грусти, дорогой мой! Жалеть стоит лишь тех, кому не выпал шанс родиться. Или тех, кто слишком рано ушел. Не успел влюбиться и полюбить свою жизнь. Не прожил ее ярко и с удовольствием – в победах, страстях и любви. Представляешь, какой облом достается тем, кто всю жизнь готовил себя к вечности, игнорируя земные радости и любовь. И превратился точно в такой же прах, как человек, проживший «на всю катушку», получивший от своей единственной жизни все сполна. Мне жалеть не о чем!

– Вы хотели бы что-то изменить в своей жизни? С какого-то момента? Если бы это было возможно? – увлекшись разговором, поинтересовался Фабио.

– Я раньше думал об этом... Наверное, я слишком много сил вложил в этот отель. Мне так тяжело дались те деньги, на которые я его купил. Я ведь копил всю жизнь, и так сладко было осознавать, что всё получилось, и есть, чем гордиться! Было особенно важно, чтобы здесь была идеальная чистота и красота. Чтобы в городе все знали – у Паоло прекрасный отель. Самый лучший! Столько раз я затевал ремонт. Покупал новую мебель, новый текстиль. Менял окна, здание то очень старое, заказывал более современное оборудования для кухни. Как мне досаждали постоянные протечки на крыше – столько раз ее перестилали. Деньги-деньги-деньги. Их всегда не хватало, чтобы сделать все так, как надо, и именно в то время, когда следовало. Отель постоянно требовал моей колоссальной энергии. Без права на несколько дней забыть про него и полностью расслабиться. А потому – практически без выходных. Получается, что я долгие годы не принадлежал себе – только этому зданию. Это мое детище, моя гордость, моя жизнь! Разумеется, я любил женщин, любил Валентину. Но главным в моей жизни все равно оставался отель. Время от времени были сомнения – а для чего мне это все надо. Есть ли у

меня другой путь и не пора ли свернуть на него. Хотел бы я все изменить? Скажем, сосредоточится на любви, завести семью, детей. Не знаю! Вот ты, почему не завел?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.